

прибегнул к религиозной форме, не соответствующей сущности его социального и поэтического мировоззрения? ... Выбор «религиозной формы» повествования... навязан писателю конкретно-историческими условиями времени» [Салтыков-Щедрин, 1988 (2), с. 561].

Если освободить правду, выраженную в последней сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина, от религиозной формы, то она должна звучать так: «Люби ближнего». А если этот ближний окажется похожим на майора Топтыгина, который, как только появился в своём воеводстве, так сразу же чижика съел? А если этот ближний похож на щуку, которая съела карася-идеалиста? Именно он собирался эту щуку до седьмого пота прошибить правдой. Например, такой: «Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а зяждущей силой являлось только добро. Оно устремлялось на помощь угнетённым, оно освобождало от цепей и оков, оно пробуждало в серд-

цах плодотворные чувства, оно давало ход парениям ума» [Салтыков-Щедрин, 1988 (2), с. 401].

Так в чём же правда? Высшая правда заключена в смысле человеческой жизни. М.Е. Салтыков-Щедрин видел её прежде всего в том, чтобы открывать людям глаза на мир, в котором они живут. Он делал это блестяще. Об этом, в частности, свидетельствуют его бессмертные сказки. Из них следует, что мир спасётся совестью и правдой.

Библиографический список

1. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрание сочинений: в 10 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Правда, 1988. – Т.7.
2. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрание сочинений: в 10 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Правда, 1988. – Т.8.
3. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрание сочинений: в 10 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Правда, 1988. – Т.9.

УДК 811.133.1(6)
ББК 81.2П

Ж. Багана, Ю.С. Блажевич

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматривается проблема лексической интерференции, возникающей в условиях языкового контакта в речи русскоязычных иммигрантов в Португалии. Уточняется понятие «интерференции», лексической интерференции; систематизируются типы лексической интерференции в условиях контакта русского и португальского языков.

Ключевые слова: лексическая интерференция; языковой контакт; взаимовлияние языков; калька; заимствование

J. Baghana, Yu. S. Blazhevich

LEXICAL INTERFERENCE IN LANGUAGE CONTACT ILLUSTRATED BY RUSSIAN AND PORTUGUESE LANGUAGES

The article focuses on the problem of lexical semantic interference which can be observed in the speech of Russian speaking immigrants in Portugal. Appropriate examples to illustrate this phenomenon are suggested.

Key words: lexical interference; language contact; interference of languages; calque; borrow

Для современного языкознания проблема языкового контакта является одновременно традиционной и актуальной, а изучение данного явления в современном социолингвисти-

ческом контексте Португалии представляет собой определенный вклад в решение проблемы языковой интерференции; во многом об-

условленной именно феноменом языкового контакта.

Проблема интерференции достаточно сложна, она окончательно не изучена и не решена. В лингвистике появление термина «интерференция» связывают с деятельностью Пражского лингвистического кружка. Так, Б. Гавранек указывает на использование данного термина в тезисах VI международного лингвистического конгресса в Париже 1948 г. [Гавранек, 1972, с. 94-111]. В некоторых источниках упоминается, что еще раньше понятие «интерференция» встречалось в работах Уитни и Шухардта [Vazquez, <http://www.ucm.es/>].

Однако благодаря появлению блестящих монографий У. Вайнрайха «Языковые Контакты» (1953) и «Норвежский язык в Америке» Э. Хаугена (1953 г.) изучение данной проблемы вышло на качественно новый уровень [Вайнрайх, 1979; Haugen, 1956]. 60-80 гг. XX в. отмечены многочисленными исследованиями, посвященными двуязычию (многоязычию) и интерференции во многонациональных государствах, в особенности в США и СССР. В этот же период происходит вычленение множества аспектов изучения данного явления, среди которых можно выделить: педагогический, собственно лингвистический, социологический, психологический, психолингвистический и др. Необходимо отметить, что и У. Вайнрайх, и Э. Хауген считали себя структуралистами, однако в своих работах они пришли к необходимости соединить социолингвистический и психолингвистический аспекты в изучении билингвизма (двуязычия). Так, оригинальность подхода У. Вайнрайха к проблеме языкового контактирования состояла в том, что локусом языкового контакта он считал билингвального (двуязычного) говорящего, что, в отличие от традиционного подхода, основанного на глобальном сравнении языков, дало возможность «перебросить» от чисто лингвистических исследований к вопросам психологии, психолингвистики, теории и методики обучения.

В современной лингвистике среди отечественных и зарубежных ученых, вопросом интерференции занимаются В.А. Виноградов, Ж. Багана, В.С. Иванов, А.Ю. Русаков, P. Appel R. & Muysken, J. Heath, S.G. Thomason & T. Kaufman и др.

В большинстве существующих определений под интерференцией понимают и процесс, и результат взаимодействия языковых систем в речи билингва, одна из которых является доминирующей, воздействующей на вторичную, приобретенную языковую систему. Результат такого взаимодействия контактирующих систем может выражаться в виде отклонений, нарушений: во всех изменениях структурных элементов языка в речи – в значениях, свойствах, сочетаемости и «поведении» языковых единиц.

Наряду с этим интерференция не всегда представляет собой отклонение от нормы, поскольку явление может быть ненормативным уже в первичном языке.

Появление ошибок в речи изучающего второй язык обусловлено главным образом интерференцией со стороны его родного языка, которая соотносится со стадией некоординированного билингвизма, т.е. такого состояния языковой компетенции говорящего, когда два кода или две системы норм – родного языка и изучаемого языка – не дифференцированы полностью. Механизм интерференции состоит в подмене схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка, либо видоизменением первых по образцу вторых. Интерференция может вызываться как системой родного языка, влияя на систему изучаемого языка, так и нормой родного языка, приводя к образованию ненормативных форм во фразах на втором языке [Виноградов, 2003, с. 251]. Последние исследования показывают, что, по крайней мере, часть отклонений от нормы при усвоении второго языка вызвана не влиянием родного языка, а универсальными особенностями усвоения языка вообще, что также важно учитывать при рассмотрении конкретных случаев появления ошибок в речи билингва [Русаков, 2003, с.4].

Под лексической интерференцией понимают в большинстве случаев «все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре» [Жлуктенко, 1974, с. 129].

По мнению С.В. Семчинского, лексическая интерференция осуществляется в трех направлениях: 1) в непосредственном заим-

ствовании лексических единиц; 2) в структуре иноязычных лексических единиц; 3) в заимствовании их значений, их связей с единицами плана выражения [Семчинский, 1973; с. 34]. А.Ю. Жлуктенко, со своей стороны, также различает три главнейших типа лексической интерференции: 1) заимствование, 2) калькирование, 3) семантическую интерференцию [Жлуктенко, 1974, с. 158].

В последнее десятилетие появился особый интерес к контакту русского и португальского языков, вызванный волной эмиграции наших соотечественников в Португалию. В этой связи стоит остановиться на некоторых экстралингвистических факторах, благодаря которым установился контакт между русским и португальским языками на территории Португалии, а также охарактеризовать особенности этого контакта. История русской эмиграции в Португалию продолжается всего около 10 лет; т.е. довольно небольшой промежуток времени, в отличие от русской эмиграции в Бразилию, которая началась еще в конце XIX столетия. Поскольку в конце 90-х гг. XX столетия Португалия нуждалась в рабочей силе, усилился приток в страну нелегальных иммигрантов, в том числе из России. Массовый наплыв иммигрантов из стран Восточной Европы произошел с января по ноябрь 2001 г., когда правительство Португалии проводило процесс легализации находящихся на территории страны нелегальных иммигрантов. В настоящий момент в Португалии проживает около 12 тысяч российских граждан, а также большое количество русскоязычного населения из бывших республик Советского Союза (Украина – 63 533 человек, Молдова – 12 297 и т.д.). Установкой данных эмигрантов изначально являлось накопление средств, об установке на ассимиляцию речи не шло. Однако в настоящий момент уже появилось молодое поколение русскоязычных иммигрантов, которое подвергается значительному влиянию со стороны португальского социума и культуры. Это абсолютно естественно, поскольку португальский язык имеет функциональный статус единого языка в сфере политики, бизнеса, экономики, СМИ, любых форм письменного дискурса, т.е. обладает признаками «высокой» языковой системы, а за русским языком остается лишь сфера устного бытового или неформального внутриэтнического общения, т.е.

русский язык в данных условиях имеет функциональный статус «низкой» языковой системы. Еще рано судить, но, по-видимому, динамика роста русскоязычной иммиграции может свидетельствовать о том, что полная ассимиляция русского языка с португальским является маловероятной, даже несмотря на проводимую моногlossную языковую политику Португалии.

На первых порах пребывания в стране, в португальской речи русских эмигрантов наблюдается прежде всего лексико-семантическая интерференция, связанная с семантическими и структурными расхождениями в лексике русского и португальского языков, вызванная: а) несовпадением объема значений слов в обоих языках; б) несовпадением лексической сочетаемости и ассоциативных связей у соотнесенных слов контактирующих языков; в) неодинаковым количественным составом и семантическими различиями между членами синонимического ряда в контактирующих языках.

Наиболее распространенными проявлениями лексико-семантической интерференции в португальской речи русских иммигрантов являются отклонения от норм португальского словоупотребления, обусловленные разницей в объеме значений слов.

Отношения взаимного исключения, противопоставляемые отношениям тождества, характеризуются тем, что слова одного языка не имеют соответствующих эквивалентов в другом языке. Понятие, выражаемое в одном языке специальным словом, передается в другой язык описательно или посредством таких слов, которые в сопоставляемом языке выражают совершенно другие понятия, что объясняется отсутствием соответствующего эквивалента.

В португальском языке двум русским наречиям места «здесь», «там» соответствуют четыре лексемы:

Aquí, cá (здесь), которые указывают на то, что предмет (лицо) находится рядом с говорящим.

Lá, ali (там), указывающее на равную удаленность предмета (лица) от собеседников.

Aí (там), указывающее на нахождение предмета (лица) ближе к слушающему [Родионова, 2000], не имеет эквивалента в русском языке и является источником ошибок,

поскольку заменяется русскоязычными говорящими на наречия «lá» или «alí» по аналогии с русским языком.

Отношения пересечения. Объем значений в португальском и русском языках совпадает лишь частично, т.е. соответствующие слова в португальском и русском языках совпадают лишь в части своих значений. Несовпадающие значения передаются другими словами. Несовпадение объема значений слов в разных языках обусловлено несовпадением их лексической сочетаемости. Данный тип отношений в лексике сопоставляемых языков является наиболее частотным. Приведем примеры.

Попытка дословного перевода на португальский язык выражения «чистить зубы» приводит к ошибке – «limpar os dentes» из-за несовпадения лексической сочетаемости, поскольку по-португальски говорят буквально «мыть зубы» – «lavar os dentes».

Русскоязычный говорящий по аналогии с русским языком может сказать: *saber as palavras* – *знать слова (песни)*, хотя правильно будет сказать «*saber a letra*», дословно – «*знать букву песни, а не слова*».

Отношения подчинения. Объем значений слова одного языка больше, чем объем значений эквивалентного ему слова другого языка, т.е. в одном языке слово многозначно, каждое его значение передается в другом языке отдельными словами.

Например, русскому существительному «волос» соответствуют два португальских существительных «*cabelo*» (*волосы на голове*) и «*prelo*» (*волос на теле*). Русскоязычному говорящему не всегда известно второе существительное, поэтому для обоих случаев часто употребляется первое, что приводит к ошибке.

Иногда лексико-семантическая интерференция может наблюдаться в связи с возникновением ложных ассоциаций, вызванных схожим звучанием слова на родном и иностранном языке (паронимы), в этом случае интерференция представляет собой «двустороннее – в плане выражения и в плане содержания – сближение двух или нескольких лексических единиц одного или разных языков, обусловленное их фонетическим и семантическим сходством и приводящее к нарушению языковой нормы» [Жузнецова, 1990, с. 45].

Так, слово «*simpático*» употребляется исключительно для обозначения человеческих качеств, только по отношению к человеку, в значении «*любезный, вежливый; приятный в общении; привлекательный*», в то время как определение «*симпатичный*» в русском языке используется для описания внешнего вида человека или предмета и выражает определенную степень его красоты и привлекательности. Поэтому выражение «*esta camisa é simpática*» – «*эта рубашка – обходительная*» звучит, по крайней мере, нелепо.

Важно также отметить, что нами фиксируется расширение значения слова «*гостиница*», которое под влиянием португальского слова «*hospital*» уже не означает «*больницу, преимущественно военную*», а используется в значении «*больница любого типа*».

Во многих русскоязычных семьях прижилось слово «*сиурайи*» (*cereais*). Интересно, что употребляется оно исключительно в значении «*хлопья, готовые завтраки*» и не используется в значении «*крупы*», поэтому можно говорить о сужении значения слова.

Иногда под влиянием португальского окружения в словах появляются дополнительные значения, так слово *эквиваленция* имеет значение «*логическая операция, состоящая в употреблении связок типа "если и только если" в содержательных логических выводах и разговорном языке; выражается через импликацию и конъюнкцию*» [Философский словарь, 1981]. В Португалии русскоязычное население употребляет его исключительно в значении «*нострификация*». Например:

«*Хочу подчеркнуть: выпускники нашей школы имеют право поступать и в украинские вузы, и в португальские. Только те, кто хочет учиться в Португалии, должны сначала сделать эквиваленцию (порт. «equivalencia» – нострификация) аттестата в португальской средней школе по месту жительства*» [Словарь Португальско-русский, 2000].

Чем дальше человек находится в эмиграции, тем чаще в его речи наблюдается обратная интерференция, когда система навыков и умений речи на португальском языке оказывает влияние на систему навыков и умений речи на русском языке. Примером подобной интерференции может служить использование такого калькированного выражения, как «*час утра*» по аналогии с португальским «*uma de*

manha) (после полуночи начинается утро). Или «Когда ты делаешь годы?» (калька с португальского «Quando fazes anos?») Когда у тебя день рождения?

Речь русскоязычных говорящих в Португалии в целом характеризуется обилием так называемых «иноязычных вкраплений» или «окказионализмов/ксенизмов», некоторые из которых постепенно переходят в заимствования. Иноязычные слова могут быть использованы в различных функциях:

1. **Номинативной**, в основном для обозначения лакунарных понятий (реалий):

Блюда португальской кухни:

Бакаляу ком наташ (Bacalhau com natas) – треска под сливочным соусом.

Фейжуада (feijoada) – блюдо из различных видов мяса, традиционных колбас и фасоли.

Фаваши (favas) – бобы.

Ишкаш (iscas) – блюдо из печени.

Различных социальных институтов, документов, необходимых для нахождения и проживания в стране и процессы, связанных с ними, названий профессий и экипировки:

Нужно сказать, что за это время я помняла несколько работ – мойка посуды, официантка в ресторане. Мне пришлось поработать «лимpezой» (*limpeza* – уборка, здесь сокращенно от *empregada de limpeza* – уборщица) в баре и в частных квартирах, и *recercionista* (секретарша в приемной) и одновременно «лимpezой» в маленьком «пенсау» (небольшая гостиница или «частное общежитие»).

Я работаю интерной (*interna* – дословно «внутренняя», т.е. прислуга, живущая у хозяев) в одной португальской семье... [Философский словарь, 1981]:

2. **Функции самовыражения, самоутверждения.** Именуется реалья для эмигранта не новая, и ее русское обозначение заведомо известно, однако русский выбирает ее португальскую форму выражения, как желание или способ заявить о своей принадлежности к новому социокультурному пространству. Например:

Сегодня приехала к папе какой-то шланг менять на *офисину* (*oficina* – мастерская, здесь: гараж).

Постоянно встречаются следующие слова португальского языка:

Сервент (servente) – помощник на стройке.

Инкаррегатор (вместо encarregado) – про-раб.

Масса (massa) – раствор.

Парафуз (parafuso) – винтик.

Эмпилхадор (empilhador) – автопогрузчик.

Шапа (chapa) – лист металла.

Кайша (caixa) – коробка, касса.

• Переключение на португальские формулы вежливости, бранные слова, междометия и т.д. также призвано заявить о принадлежности к новому социально-культурному пространству: *пойш (pois)* – ну да, *обригаду (obrigado)*, *фогу!* (слово, которым португальцы заменяют похожее по звучанию бранное слово, португальский аналог русского «блин»).

• Сознательная демонстрация говорящим своего уровня владения языком и/или степени значимости для него языковой компетенции вообще. Хочешь *кафе (cafe)*? (вместо *кофе*).

3. **Экспрессивно-стилистической, игровой функции заимствований:** с точки зрения говорящего иностранное слово – более точное, лучше выражает мысль; более компактное, лёгкое; иногда более эмоционально значимое.

• При желании пошутить или добавить красочности: Он поставил ему «булашу» (*bolacha* – печенье) под глаз (поставил сияк).

• Русское слово забыто, или просто проще сказать на португальском языке: Вода кипит, сними тампу (*tampa* – крышка) и добавь сальсу (*salsa* – петрушка). Эта поездка такая «кансативная» (*cansativo* – прил. утомительный).

• Использование заимствований, которое стало привычкой, «для шика» или по «языковой лени»: «Анда ка» (*anda cá*) – «иди сюда» «Оля» (*olha*) – «слушай».

Можно сделать вывод, что эмигрантский узус насыщен реалиями португальской жизни, которые путем калькирования передаются лексическими единицами русского языка; некоторые русские слова приобретают новую дополнительную семантику. Португальские лексические единицы проходят этап разноразностной языковой ассимиляции и широко используются в русском языке эмигрантов,

зачастую вытесняя исконные русские слова. Речь русскоязычного населения Португалии богата окказионализмами/ксенизмами, которые постепенно приобретают характер заимствований из португальского языка в русский, о чем можно судить по частому использованию определенного набора подобной лексики в местных русскоязычных СМИ.

Библиографический список

1. Багана, Ж. Контактная лингвистика / Ж. Багана. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования: пер. с англ. / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979.
3. Виноградов, В.А. Лингвистика и обучение языку / В.А. Виноградов. – М.: Academia, 2003.
4. Гавранек, Б. К проблематике смешения языков / Б. Гавранек // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 94-111.
5. Жлуктенко, Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1974.
6. Иванов, В.С. Языковые контакты / В.С. Иванов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
7. Кузнецова, И.Н. О лексической интерференции в одном и в разных языках / И.Н. Кузнецова // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 9. Филология. – 1990. – №1. – С. 44-45.
8. Родионова, М.А. Португальский язык. Курс для начинающих / М.А. Родионова. – Минск: Полесье, 2000.
9. Русаков, А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе): дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / А.Ю. Русаков. – СПб., 2003.
10. Семчинский, С.В. Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.В. Семчинский. – Киев, 1973.
11. Словарь Португальско-русский. Русско-португальский: пособие для средних и высших учебных заведений. – Киев, Ирпінь: ВТВ Перун, 2000.
12. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981.
13. Appel, R. Language contact and bilingualism / R. Appel, P. Muysken. – London, 1987.
14. Borregana, A.A. Gramática Universal da Língua Portuguesa / A.A. Borregana. – Lisboa: Texto Editora, 2001.
15. Dicionário universal da língua Portuguesa on-line [Electronic resource]. – URL: <http://www.priberam.pt/dlpo/dlpo.aspx>
16. Haugen, E. Bilingualism in the Americas: A bibliography and research guide. Publications of the American dialect sociality. – Alabama: University of Alabama Press, 1956. – №. 36.
17. Heath, J. From code-switching to borrowing: Foreign and Diglossic Mixing in Moroccan Arabic / J. Heath. – London/New-York, 1993.
18. Thomason, S.G. Language contact, Creolization, and Genetic Linguistics / S.G. Thomason, T. Kaufman. – Berkeley, 1988.
19. Vázquez, M.J. En torno al concepto de interferencia [Electronic resource]. – URL: <http://www.ucm.es/info/circulo/no5/dominguez.htm>
20. Официальный сайт издания «Маяк Португалии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.maiak.org/news/118/ARTICLE/1542/2009-07-07.html>
21. Официальный сайт издания «Маяк Португалии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.maiak.org/news/118/ARTICLE/1518/2009-05-25.html>.

УДК 811.133.1

ББК 81.2Фр-4

Ж. Багана, Н.В. Трещёва

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАНАДЫ

В статье на примере неизменяемых англицизмов устанавливаются типологические особенности заимствований во французском языке Канады. Определяются различные тематические группы заимствований вышеназванного типа и выявляются причины их проникновения в канадский вариант французского языка.

Ключевые слова: французский язык Канады; заимствование; неизменяемые англицизмы; билингв; эквивалент; языковой контакт